

УДК 81'23:81'367
ББК 81.2-2

О.В. Шаталова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК ДОМИНАНТА ОБРАЗЦОВОЙ РЕЧИ

В современной лингвистике параметры образцовой речи как способа репрезентации языковой личности традиционно определяются на основе лексико-когнитивного анализа. В статье доказывается возможность характеристики языковой личности и моделирования типа речевого портрета на синтаксическом уровне. Правомерность данного подхода обосновывается теоретическими каноническими и новейшими исследованиями в области коммуникативного синтаксиса и прагматическим анализом текстов Д.С. Лихачева, И.Л. Андроникова. Синтаксическая синонимия определяется как одна из доминант образцовой речи.

Ключевые слова: *языковая личность, образцовая речь, синтаксическая синонимия.*

Шаталова Ольга Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета

Тел.: (4742) 24 94 18; 8-904-682-27-70
E-mail: shat_o_v@mail.ru

Одним из психологически значимых свойств человеческой личности является способность выбирать один вариант из нескольких возможных. Данное обстоятельство позволяет рассмотреть синонимические единицы как своеобразную зону выбора в языковом инвентаре говорящего, предоставляющую ему возможность наиболее точно и образно выразить мысль. В большинстве научных исследований акцент делается на единицах лексики и фразеологии, но синтаксическая синонимия в меньшей степени позволяет охарактеризовать коммуникативно-интеллектуальные возможности личности, расширить представление о формах мышления.

Синтаксическая синонимия как грамматическое явление языка имеет достаточно высокую степень разработанности в работах Л.Ю. Максимова, В.П. Сухотина, Е.В. Падучевой, Г.А. Золотовой, С.Н. Цейтлин, П.А. Леканта и др. Глубина функционально-грамматической характеристики позволяет говорить о введении раздела «Синтаксическая синонимия» в учебно-методические планы для вуза и в программу работы на факультативе в школе [Лекант и соавт.], обсуждается вопрос его введения в **основной** курс средней школы [Онипенко, Никитина].

Использование синтаксических синонимов в речи является свойством образованной, высокообразованной морально и эмоционально личности, что подтверждается анализом речевых произ-

ведений мастеров публицистики, в частности анализом сочинений Д.С. Лихачева и И.Л. Андроникова.

В речи Д.С. Лихачева и И.Л. Андроникова использование сложно-подчиненных конструкций с придаточным определительным и синонимичных им предложений с причастным оборотом является одним из частотных приемов. С философской позиции, способность определять те или иные явления позволяет оценить как интеллектуальный, так и эмоциональный уровень развития личности. Использование конструкций определительного характера – сложноподчиненных предложений с придаточным определительным и конструкций с причастным оборотом – является характеристикой языковой личности, позволяющей говорить, с одной стороны, о четкости представлений о том или ином предмете, а с другой, – о метафоризации речи, о способности создавать описательный образ, цельный в своих различных признаках.

В речевом стиле Дмитрия Сергеевича Лихачева в использовании определительных конструкций проявляется непостижимая логически (но доказываемая логически) гармония: статистическое исследование сборника «Заметки о русском», включающего 14 статей, выявляет: предложений, содержащих одно или несколько придаточных определительных, в сборнике 125, предложений с причастным оборотом 135. При этом по образцу СПП с придаточным определительным построены только такие высказывания, которые не могут быть организованы с помощью синонимичной конструкции с причастным оборотом. Подобная «численная гармония» позволяет изменять ритм речи, лишая его монотонности, создавая коммуникативно комфортную тональность рассуждения.

Предложения с придаточным определительным выполняют коммуникативно-синтаксические функции в тексте. В рамках теории актуального членения в данных предложениях главная часть является информативно недостаточной, поэтому придаточное является чаще всего смысловым центром высказывания. Это позволяет создать в рамках одного высказывания как минимум два информационных центра, формирующих семантическую гармонию часто разнородных фактов: *Воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть. Все это [любовь к дереву] говорит не о легкости жизни, а о той доброте, с которой человек встречал окружающие его трудности.* Многоплановость предложений с придаточным определительным зримо просматривается при сопоставлении фактов, представляемых главной и придаточной частями: *Воля – это большие пространства и По пространствам можно идти и идти, брести, плыть...; Любовь к дереву говорит не о легкости жизни и Человек встречал окружающие его трудности с добротой.*

Подобная многоплановость в семантике соотносится с категорией информативности, представляя как факты, существенные для доминантной темы текста, так и дополнительную информацию, позволяющую

щую включить обсуждаемые явления в историко-культурный и современный контекст.

Семантическая многоплановость присуща и предложениям с причастным оборотом (способность причастного оборота выступать в «сопредикативной функции» [Шарина]). Они позволяют при определении какого-либо явления представить иной фактический материал. Немаловажным данный аспект является в связи с тем, что в современных условиях комментирование фактов истории и культуры, выявление корпуса знаковых фигур русской персониферы является необходимым для адекватного восприятия публицистического текста адресатом.

Д.С. Лихачев часто использует в рамках одного формально выделенного предложения как придаточное определительное, так и причастный оборот: *Я здесь только коснусь этих своих представлений и лишь для того, чтобы опровергнуть другие – ходячие, ставшие своего рода "исландским мхом", мхом, который осенью отрывается от своих корней и "бродит" по лесу, подтолкнутый ногой, смытый дождями или сдвинутый ветром.* Автору удается подчеркнуть грамматическую значимость как минимум двух номинативов, важных для формирования цельного сообщения: один определяется с помощью причастного оборота, а другой – с помощью придаточного предложения (*другие* [представления] – *ходячие, ставшие своего рода «исландским мхом»* и *мхом, который осенью отрывается от своих корней и «бродит» по лесу*).

Предложения с придаточным определительным, присоединяемым к основной части высказывания с помощью оценочно нейтрального местоименного слова *который*, наиболее частотны. Предложения же с союзным словом *где, когда, что* формируют дополнительное коннотативное усиление темпоральной (*когда*) или локальной (*где*) семантики: *Для современников Грибоедова смешно – как это можно «засесть», да еще в «траншею», где уж вовсе не пошевелинешься, и получить за это боевую награду? Со времени, когда жил и работал Достоевский, утекло немало воды...* Пространственно-временная ориентированность текста является одним из канонических принципов русской культурной традиции, актуализируется использованием как лексических, так и грамматико-синтаксических средств языка.

Использование определительного союзного слова *что* позволяет усилить оттенок номинативной оформленности явления, обозначить его предметную сущность: *...Утекло немало воды – не той воды, что живет и растит, а той «мертвой воды»... И мы с Николаем Ивановичем обнажили головы перед памятниками, что были воздвигнуты на Бородинском поле благодарными потомками.*

Анализ текстов Ираклия Луарсабовича Анроникова позволяет выявить аналогичные формы использования синонимических конструкций. Формально-статистическое обследование аспекта использования предложений, образованных по образцу СПП с придаточным определительным, и предложений, содержащих обособленное определение,

выраженное причастным оборотом, позволяет выявить соотношение 1:1. Данное соотношение проявляется при обследовании фрагментов объемом не менее 2-3 страниц и отражает целостный подход публициста к организации текстового пространства средствами синтаксиса (статистический подсчет проводился количественным методом обследования сборника «Великая эстафета» и отдельных статей).

В зависимости от коммуникативно-прагматической задачи, интонации повествования в конкретном речевом эпизоде естественно преобладание либо СПП: *А это серебряная труба с Георгиевским крестом и надписью: «За храбрость при Фер-Шампенуазе» – то есть за последнюю битву, в **которой** Наполеон в 1814 году потерпел поражение, после чего русские войска вступили в Париж. А вот барабан, на **который** Наполеон любил во время сражения ставить ногу. Приобщим к этим трем инструментам гитару цыганки Тани – из хора Ильи Соколова, от пения **которой** однажды разрыдался Александр Сергеевич Пушкин, – либо предложений с причастным оборотом: Поэма «Белинский», стихотворение «Пророк», **посвященное** Чернышевскому, «М.Е. Салтыкову при отъезде за границу», «На смерть Шевченко», «Памяти Добролюбова» – каждому из них, своим учителям и соратникам, Некрасов посвятил стихотворные портреты, **полные** любви, **содержавшие** оценку их гражданских подвигов и призыва к дальнейшей борьбе за дело, **которому** они отдали жизнь.*

Анализ функционирования синонимической оппозиции: конструкция с деепричастным оборотом – СПП с придаточным обстоятельного типа – в публицистическом тексте и Д.С. Лихачева и И.Л. Андроникова вышеобозначенный тезис подтверждает полностью. В речи Д.С. Лихачева выявляется следующее количественное соотношение: 16/10, при этом из 16 конструкций с придаточным обстоятельным 3 содержат также деепричастный оборот. Использование деепричастного оборота как одной из синтаксических опор текста связано с его динамическими возможностями, что существенно для публицистического текста [Лекант и соавт., с. 62]. Однако динамизм повествования часто напрямую зависит от того, что аргументация публициста опирается на обозначение нескольких субъектов действия, взаимосвязанных или противопоставленных друг другу, но в любом случае гармония развития мысли возможна только при наличии каждого из данных компонентов.

Подобная оценка семантической многоплановости предложений с деепричастным оборотом согласуется с приобретающей все большую убедительность в современных лингвистических исследованиях теорией пропозиций. Пропозиция «составляет ту основу, на которой держится здание пропозитивной семантики» [Арутюнова, с. 37]. В соответствии с этим предложение, содержащее деепричастный оборот, в семантическом плане рассматривается как полипропозитивное. «Такое простое предложение может выражать “сложную мысль”, способно обладать большой семантической ёмкостью» [Кормилицына, с. 4].

Русское барокко заимствовало у Запада лишь внешние элементы, используя их для разных архитектурных затей и выдумок. Болгары, основывая Плиску, только что перешли от кочевой жизни к оседлой. Князья... переходили из княжества в княжество, стремясь занять более высокое место. В каждом из предложенных примеров обозначены две самостоятельные мысли: *русское барокко заимствовало у Запада лишь внешние элементы и русское барокко использовало внешние элементы для разных затей и выдумок; болгары основали Плиску и болгары перешли от кочевой жизни к оседлой; князья переходили из княжества в княжество и князья стремились занять более высокое место.*

В публицистических же текстах, условием формирования которых является максимальная концентрация фактического материала при минимальном хронометраже его воспроизведения, чаще всего используются разноструктурные предложения, расширяющие возможности представления семантических отношений между многочисленными фактами в небольшом фрагменте речи: *Плясал грузчик... Он плясал, выкидывая в разные стороны руки, ноги, и в азарте сорвал с головы шапку, далеко кинув ее в столпившихся зрителей, и кричал... Колокольный звон должен быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольню новый колокол, народно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно,* – представлены действия грузчика, которые передаются через чередование видовременных форм глагола и деепричастий, соотносимых грамматически с этими глаголами. С помощью деепричастий номинативный акцент переносится собственно с грузчика на другие предметы (*руки, ноги, шапка, зрители*), которые становятся самостоятельными «деятелями» и расширяют зрительно-изобразительную картину представляемого. Далее обозначены в качестве неопределенных действия, связанные с установлением нового колокола, и здесь публицист использует сложноподчиненное предложение. Оба факта выступают близко стоящими аргументами к одному постулату и формально располагаются рядом, поэтому своеобразное «чередование» разноструктурных предложений формирует немонотонную интонацию, ритмическое отличие «действенной» сферы различных субъектов.

Количественно-статистическое сопоставление частотности использования предложений с деепричастным оборотом и синонимичных им предложений с однородными сказуемыми и придаточными обстоятельственными демонстрирует, что в текстах И.Л. Андроникова данный комплекс синтаксических конструкций используется менее активно, чем в работах Д.С. Лихачева, что связано как со спецификой идиостиля обоих ученых, так и с частной тематической направленностью конкретных статей. Функционально-прагматические интенции же использования синтаксических синонимов данного типа совпадают в большей части своих характеристик.

При этом И.Л. Андроников, акцентируя динамические и эмоциональные возможности деепричастного оборота, регулярно парцелирует предложения, содержащие деепричастный оборот, тем самым

усиливая его эмоциональность и функциональность: 1) *Шостакович был всегда впереди. Всегда в преодолении самого себя. Не повторяя ни себя, ни других. Не успокаиваясь. Не старея. До последней минуты жизни.* 2) *За свою жизнь Горький собрал не одну библиотеку, а несколько. Но, собрав, отдавал, дарил в какое-нибудь общественное учреждение.* Парцеллирование в данном случае может оцениваться как специфический речевой жест идиостиля И.Л. Андроникова, функциональная значимость которого определяется усилением разговорного оттенка его текстов. В устной речи эффект дополнительной предикативной значимости усиливается интонацией, подчеркивается темпоральными паузами.

Одной из канонических синонимических оппозиций в синтаксисе является соотносительная пара: СПП и БСП. Трансформационный метод убедительно позволяет говорить о взаимозаменяемости и взаимодополняемости структурных образований подобного типа. Так, функционально-семантическое поле каузальности, которое отражает одну из ведущих форм взаимосвязи процессов объективной действительности, создается как с помощью СПП с придаточным причинным, так и с помощью БСП. Однако в коммуникативной природе сопоставляемых конструкций присутствуют коннотативные специфические возможности.

СПП с придаточным причины, благодаря формально обозначенной причинной зависимости придаточного компонента от главной части, формирует высказывания, в которых определяется логико-семантическая связь между разнородными явлениями, событиями, процессами в природе, обществе и мышлении: *Дурак всем правду говорит, потому что для него не существует никаких условностей и нет у него никакого страха. Мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры* (Д.С. Лихачев). В предложениях же, имеющих структуру БСП с причинными отношениями, также предполагается соотношение двух (и более) разнородных фактов: *Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и насадить новые: «так аллея выглядела». А о молодых деревьях не надо заботиться: они растут быстро, и скоро аллея приобретет прежний вид. Стремиться к восстановлению садов в их первоначальном виде невозможно по одной причине: сад неразрывно связан с садовым бытом и социальным устройством общества* (Д.С. Лихачев). В других же случаях семантика причинной зависимости одного факта от другого несколько нейтрализуется, появляется оттенок изъяснительности, дополнения фактуальной части информацией однотипной, но не лишенной причинной аргументированности: *Заметки должны остаться заметками: так в них будет меньше претенциозности. Если для Достоевского идеалом русского был гений, и при этом такой гений, как Пушкин, так ведь это и понятно: самое ценное в народе – в его вершинах* (Д.С. Лихачев).

СПП с придаточным изъяснительным являются одной из самых частотных конструкций публицистического дискурса, так как, без преувеличения, образуют обширнейший и сложнейший разряд полипредикативных конструкций. В речи Д.С. Лихачева за предложениями, организованными по данному типу взаимодействия компонентов, закреплены особые коммуникативные функции, поскольку категория информативности прочно связана с категориями социально-этическими (с вежливостью) и психологическими (с эмоциональностью). А в составе СПП с придаточным изъяснительным главное предложение всегда содержит предикат ментального плана и пропозиционной установки. В результате тематический спектр СПП с придаточным изъяснительным варьируется от предложений с пояснительной семантикой, когда один факт соотносится с другим, до конструкций, выполняющих функцию коммуникативного регулятора, если главный компонент СПП указывает на авторское отношение к излагаемому далее факту, определяет эмоционально-экспрессивное отношение автора. *Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях. Не вернее ли думать, что те области, где эта отсталость замечается, просто менее характерны для культуры Древней Руси и не по ним следует о ней судить?* (Д.С. Лихачев).

В сравнении с СПП с придаточным изъяснительным БСП с пояснительными отношениями, с одной стороны, в большей степени передает динамичность развертывания речи, а с другой – усиливает аспект категоричности в соотношении различных фактов: *Сперва я думал их [заметки] привести к какому-то единству, придать стройность композиционную и стилистическую, но потом решил: пусть сохранится их нестройность и незаконченность. А теперь взгляните на карту мира: русская равнина самая большая в свете.* (Д.С. Лихачев). Значимость коммуникативно-прагматических нюансов в функционировании СПП и БСП подчеркивается тем, что наряду с предложениями обоего типа в речи Д.С. Лихачева достаточно частотны МСП, в состав которых входят как СПП, так и БСП того или иного типа. Статистически количественное соотношение СПП/БСП/МСП (содержащем и СПП, и БСП) можно выразить как 2 / 2 / 1.

Исследование функционирования синонимичных синтаксических конструкций БСП и СПП в текстах И.Л. Андроникова подтверждает гипотезу о доминантности явления синтаксической синонимии в образцовой публицистической речи: И.Л. Андроников использует БСП в 4 раза реже, чем Д.С. Лихачев, но соотношение БСП, синонимичных им СПП и МСП, включающих данные виды конструкций, в текстах И. Л. Андроникова совпадает с соотношением 2 / 2 / 1.

В речи И.Л. Андроникова присутствуют синтаксические фрагменты, которые могут оцениваться с точки зрения канонической лингвистики неоднозначно: 1) *Судьба этого музыканта сложилась трагически. Весною 1825 года у Алябьева обедало несколько молодых людей, потом сели за карты. Во время игры один из партнеров нарушил пра-*

вила. **И** Алябьев поссорился с ним. Два дня спустя этот игрок скончался. Как заключил врач – от кровоизлияния. **Но** на имя губернатора был прислан ложный донос. **И** Алябьева посадили в тюрьму, где продержали три года; 2) За полтора века существования библиотеки сто лет из них Отделением рукописей руководили только двое ученых – сперва Афанасий Федорович Бычков, а после того как он стал директором Публичной библиотеки – сын его Иван Афанасьевич. Отец вступил в заведование Отделением в 1844 году. Сын, не покидая поста даже во время блокады, умер в 1944 году. Заслуги обоих огромны. При них Отделение стало одним из величайших архивохранилищ мира. Бычковы составляли не только описи поступающих бумаг, но и отчеты, научные описания. (И.Л. Андроников).

Данные тексты обладают коммуникативной законченностью и формально могут быть оценены как текстовые отрывки, состоящие из нескольких самостоятельных предложений с четко выраженной предикативностью и структурно-семантической отнесенностью к тому или иному разряду. Однако в них присутствует своеобразная валентность, выражающаяся в том, что отдельные предложения связаны между собой и грамматически, что особенно наглядно проявляется в конструкциях, содержащих формальные показатели – союзы (пример №1).

В каждом из фрагментов реализуется последовательная связь, что говорит о специфическом развертывании повествования, когда отдельные факты выступают как маркеры более крупного явления. Подобные коммуникативно-прагматические потребности традиционно реализуются с помощью перечислительных БСП или предложений с однородными членами. Данный прием характеризует такую черту речи, которую можно условно обозначить как стремление к целостности восприятия эпизода.

Следовательно, в текстах И.Л. Андроникова можно выявить коммуникативно-прагматическую оппозицию таких синтаксических явлений, как БСП с перечислительным значением и ряд ПП. Эта оппозиция подтверждается тем, что наряду с синтаксическим фрагментом, условно обозначенным нами как *ряд ПП*, исследователь использует и традиционные многочленные БСП.

Формирование подобной уникальной синонимической оппозиции, регулярность реализации которой не подкрепляется анализом речевых произведений других публицистов, тем ярче подчеркивает значимость синтаксической синонимии как явления образцовой речи.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипрозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2003.

Лекант П.А. [и др.] Дидактический материал по русскому языку: синтаксическая синонимия. М., 1999.

Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Синонимия простого и сложного предложения (в полипредикативных предложениях) // Русская словесность. 2007. № 4.

Шарина Е.В. Роль трансформационного метода в рассмотрении причастных оборотов и синонимичных им придаточных предложений // Вестн. Тамбовского гос. техн. ун-та. 2005. Т. 11. №4.